

ГОСУДАРСТВО И ПЛЕМЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АФГАНИСТАНА

В настоящее время, когда создается новая афганская государственность, с особой остротой встает вопрос о местной политической традиции – о системе взглядов на афганское государство, сформировавшейся в ходе 254 лет его существования. В самом общем виде основными особенностями государства в течение всего этого периода были правление пуштунов, слабость центра, фактическая независимость пуштунских племен, местничество и приверженность особым группам, складывающимся в результате родственных отношений и связей «патрон – клиент».

Данные черты придают уникальный характер афганскому государству и всей политсистеме. Формирование их уходит корнями глубоко в историю Афганистана и связано с особенностями пуштунских племен, главы которых и создали данное государство в 1747 г.

Особенности пуштунских племен и их влияние на общество и государство

Племя как социальная группа, отличающаяся по происхождению, культуре, языку и обычаям, представляет собой древнейшую форму социальной организации, основанной на особенностях хозяйства, кровнородственных связях и клановой системе. Но она оказывается очень живучей: племена адаптируются к новым условиям, т.е. находят свое место в условиях классового общества и слабого государства. Афганские племена остаются вооруженными организациями, военно-политическими объединениями многих родов и возвысившихся над родом семейно-родственных групп – кланов, в которых общая легендарная генеалогия выполняет функции элемента политической и идеологической надстройки.

В этой связи необходимо отметить, что племя есть универсальная социальная организация, то есть такое образование, ко-

торое регулирует все стороны общественной жизни. Оно особенно эффективно при сравнительно небольшой численности населения. Племя сохраняется дольше всего у горных народов в силу того, что горный ландшафт позволяет компактно проживать на определенной территории лишь небольшому количеству людей, которые могут лишь в весьма ограниченной степени заниматься земледелием и поэтому сосредотачиваются на скотоводстве. Последнее предполагает очень простые орудия труда, которые не требуют длительного изготовления, развитого разделения труда и т.п. В целом кочевое хозяйство консервирует племена, поскольку не позволяет по-другому разделить не осевшее на землю население. Все эти обстоятельства, а также географическая изолированность, прежде всего от центральной власти делают племя наиболее подходящей формой социальной организации. Таким образом, горы, скотоводство и племя оказываются тесно связаны между собой и взаимно обуславливают друг друга. Преобладание у афганцев занятий скотоводством объяснялось горным характером населенной ими территории, недостатком земли, пригодной для обработки, и засушливым климатом, а все это вместе вело к сохранению традиционных институтов. Более того, в высокогорных районах возможна даже ретрибализация, т.е. восстановление племён.

Следует отметить, что племенное деление характерно не только для пуштунов, но и для всех остальных этносов Афганистана, за исключением таджиков, осуществляющих самоидентификацию по месту проживания (герати, лагмани и т.п.). Однако у пуштунов племенная идентичность превалирует над этнической. Неслучайно поэтому даже талибы апеллировали не столько к пуштунам в целом, сколько к отдельным племенным группам, причем к гильзаям больше, чем к другим.

Объединения афганцев мы называем племенами также потому, что мироощущение их членов сходно с миропониманием кочевых племен. Согласно этой картине мира, последний не имеет границ и центра. Специфика мировосприятия племен состоит в игнорировании любых, прежде всего государственных границ. Иными словами территория не является базовой харак-

теристикой племени (наркобизнес, надо сказать, вполне вписался в данное свойство). В этом главное его отличие от деревни.

Местное сообщество (каум) и институт хана

Для властных отношений также характерна некоторая ацентрированность. В племенах власть не носит институционального характера, то есть находится не в определенном месте или человеке, а образует своего рода неуловимую сеть, поскольку каждый афганец связан с предком по отцовской линии, принадлежа особым группам, или местному сообществу, называемому иногда *каум*, а в социологическом плане – племени, клану, профессиональной, религиозной, этническим группам, деревенскому сообществу или просто расширенной семье. Сеть эта требует постоянных усилий для ее поддержания. Афганское общество напоминает скорее перманентное отсутствие равновесия, которое характеризует социальные отношения потлача. Власть хана (главы племени) зависит от консенсуса каума.

Узлами и первичными, базовыми ячейками этой сети, властными центрами, существующими независимо от государственной власти и параллельно с ней, как раз и выступают каумы – родственные сообщества, которые совмещают в себе черты различных явлений. Прежде всего, каум формируется на базе территориальной общины, или территориального клана. Вместе с тем в силу задержки на стадии перехода от протонародности к народности значительную роль продолжают играть кровнородственные связи. Третьей же характеристикой каума являются отношения патронажа. Иными словами, он объединяет в себе свойства клана и клиентеллы. Вот с этой-то группой в первую очередь и идентифицирует себя человек. Афганцы преданы больше сообществу, чем главе его.

Данные черты каума определяют все стороны жизни племени, в том числе особенности такого его важнейшего института власти, как институт хана. Последний базируется на генеалогии и патронаже.

О значении кровнородственных отношений свидетельствует тот факт, что наследование и родство по отцу влияет на мно-

гие сферы бытия племени. Назовем лишь некоторые нормы и установления. Во-первых, статус человека зависит от положения предка, а не от экономических позиций. Любой претендент на высокий статус и власть должен иметь предка высокого статуса. Во-вторых, старший сын наследует больше, чем другие братья. За ним признается лидерство. В-третьих, наследование по отцу ведет к тому, что женщины редко отдаются замуж на сторону. Большая часть выходит замуж внутри клана, и почти все внутри племени. В-четвертых, поселения у кочевых племен основаны на иерархии и привязаны к доминирующей линии наследования, представители которой проживают обычно в центре.

Таким образом, в качестве хана каум воспримет лишь того, чьи предки были ханами. Но этим дело не ограничивается. Помимо генеалогии властные отношения основаны также на патронаже, когда престиж и власть пропорциональны распределяемому личному богатству. Это явление составляет неотъемлемое свойство племени и сопровождает последнее на всем протяжении его существования. Именно оно представляет собой суть каума. С давних времен в афганских племенах тот получает больше влияния и обретает власть, кто больше дает, раздает, распределяет, или, по крайней мере, отдает часть того, что получил, и тем самым обретает больше сторонников – клиентов. Своей щедростью и нужностью тем, кто в нем нуждается, хан всегда должен показывать, что он – единственное лицо, достойное выполнять эту функцию. Поэтому власть дается человеку необязательно на всю жизнь. Как гласит афганская пословица, «нет хана без *дастархана*» (без скатерти, то есть накрытого стола). В этом состоит суть важнейшего положения «кодекса чести пуштуна» *наштунвала* (буквально «пуштунство», «статус пуштуна») – гостеприимства, выступающего принципом организации власти. Каждый глава семьи имеет *худжру* – дом для гостей, являющийся средством, благодаря которому собственник в конкуренции с другими собственниками добивается власти и влияния. Если его худжра признана, то он может стать ханом. Последний должен обеспечивать других едой, посредничать в их спорах и защищать интересы сообще-

ства перед лицом государства. Ясно поэтому, что вождь клана, племени, помещик в глазах зависимых от них крестьян и скотоводов были не столько эксплуататорами, сколько естественными покровителями, защитниками против всяких «чужаков» (других племен, народностей, государства и т.п.). Неудивительно поэтому, что земельная реформа, начавшаяся в декабре 1978 г. именно в «зоне племен», была там обречена на поражение: крестьяне землю не брали, которая к тому же «не богом дается». Подытоживая рассмотрение обязательств хана, отметим, что в целом он выполняет функции властителя и посредника. Его задача – объединять ряд семейных единиц племенного общества в более или менее единое социальное поле.

Процесс обретения власти можно условно разделить на четыре этапа: 1) накопление богатства; 2) накопление числа зависимых; 3) накопление престижа и влияния; 4) генеалогическая легитимация.

В XIX в. руководителя племени стали выбирать из определенного рода (старшего, или ханского, называемого *хан-хель*, или *сар-хель* (*сар* – «голова»)). Поэтому принцип патронажа служит теперь основой выявления тех, кто стремится к влиянию, не закрепленному институционально. Таких ханов может быть несколько в одной группе.

В результате в XIX в слово «хан» приобрело два значения:

1) глава племени (в таком значении оно используется и у таджиков);

2) влиятельный в племени человек. Второе значение в более конкретном плане выражается в том, что у племён дуррани вокруг Кандагара ханом называется любой землевладелец, а у гильзаев – человек, чей авторитет выходит за пределы его хозяйства.

В начале XX в. появляется новый институт – *малик* (по-арабски «король»), или *арбаб* («господин»), представляющий собой хана, признаваемого государством в качестве руководителя племени в деревне и включенного в государственную администрацию. Малик выступает посредником между государством и деревней, его задача – представлять сообщество вовне,

главным образом в отношениях с другими сообществами и государством.

Все эти институты используются и за пределами племенных структур.

Такой хан или малик является носителем коренящейся в самом сообществе публичной власти, отличной от государственной. Объединенностью племени вокруг такого центра обеспечивается его устойчивость. Безопасность и спокойствие достигаются центростремительным характером организации всех сторон общественной жизни, в которой важное значение имеют связи внутри сообществ (каумов) и кланов. В итоге социальное взаимодействие тяготеет к подобным центрам, которые выступают фрагментами социально-политической ткани общества и в рамках которых развиваются отношения патронажа отдельных сильных личностей, способных эффективно защитить корпоративные интересы. Данная сеть отношений создает вокруг лидера группу поддержки, которая действует независимо от каких бы то ни было политических программ.

Данными обстоятельствами во многом определяется политический и общественный климат в стране: массы тяготеют не к идеям, а к лидерам. Вокруг сильных личностей в соответствии с их престижем неминуемо складываются как поле притяжения, так и отношения зависимости и преданности, что ведёт к политическому соперничеству. Таким личностям и верит население. Например, А. Масуд распространил влияние Джамиат-е ислами (Исламского общества Афганистана) своим личным авторитетом в высокогорных районах Гиндукуша (в Бадахшане, Тохаре, Кундузе и Баглане). Для группы, складывающейся вокруг лидера, характерно безусловное подчинение ему и даже преклонение перед ним. Изменение его взглядов означает одновременно и переход на ту или другую сторону всех его людей. Поэтому позиция местных авторитетных лиц оказывает сильное влияние на ситуацию в стране. Именно они определяют отношение населения той или иной местности к любым решениям и действиям властей или иных сил общенационального масштаба. Отсюда ясно, что для реализации любых политических, экономических или социальных инициатив цен-

тральной власти нужна в первую очередь поддержка со стороны локальных традиционных лидеров

Замкнутые сообщества и кланы со своими независимыми и специфическими устоями повседневной жизни традиционно представляют собой наиболее серьезную преграду на пути эффективного государственного строительства в Афганистане, поскольку действуют не политические и им подобные факторы, а отношения родства и патронажа, что разъедает государство.

На эту сеть накладываются такие виды личностного взаимодействия, как учитель и ученик в среде богословов и духовенства, а также пир и мюрид в суфийских орденах. Все это определяет дробность общества, а также расколы всех политических партий. Разумеется, главную роль в этом процессе играют каумы, ибо они пронизывают политическую систему и даже общество в целом, проходят через политические партии и объединения, превращая их во всего лишь надстройку над собой.

Образование племенами своего государства привело к распространению главного института – **каума** – на общенациональный уровень. Все три попытки разрыва с прошлым и образования государства (формирование племенной федерации в 1747 г., переворот 1978 г. и победа моджахедов в 1992 г.) проходили под знаком универсальной идеологии (национализм, марксизм, фундаментализм), но те формы, которые они принимали, свидетельствуют о живучести групп, формируемых принадлежностью к местным сообществам. Государство Захиршаха и Дауда также оставалось трайбалистским. Каум оказался встроенным в государственные институты, что предполагало не только получение материальных благ (посты, денежные, но необременительные должности, освобождение от налогов и воинской повинности), но главным образом гарантию неизменности правил управления местным сообществом, которые будут определять и функционирование государства.

Каум не собирается уступать своих позиций. Более того, он приспособливается к меняющейся ситуации. Так, в условиях конституционного периода 1963-1973 годов лидеры каумов стали использовать новые, только что появившиеся формы дея-

тельности – становились депутатами парламента и прибегали к созданию политических партий, что открывало перед ними новые источники ресурсов и новые возможности получения средств.

В то время депутаты из провинций приезжали в Кабул в качестве представителей своего местного каума для получения льгот и привилегий, поскольку государство казалось им могущественной силой, за чей счет они должны получить как можно больше выгоды. Выборы четко отразили линии раздела внутри общества, в котором есть преданность только семье, и все еще важнейшим фактором остается патронаж. Лояльность отнюдь не была адресована государству. Стратегия каума состояла в установлении выгодных отношений с институтами государства. Этим объясняется, в частности, и борьба различных фракций в коммунистической партии. Сети отношений, основанные на патронаже и личных связях, оставались прочными, как будто не существовало наиболее серьезных политических разногласий. Например, фракция Народно-демократической партии Афганистана Парчам (называемая «королевской коммунистической партией») была связана с королевским сообществом. Именно эти отношения составляют основу социальной организации: более двух третей населения имеют между собой какие-либо племенные связи, а остальную треть жителей объединяют семейные узы и семейные взаимные обязательства. Сильные чувства привязывают афганцев к своему роду или клану.

Вряд ли станет исключением и избранная 18 сентября 2005 г. нижняя палата парламента, называемая *Вулуси джирга* (Народное собрание). Наблюдатели уже отмечают её фрагментированный характер: депутатами стали лидеры многих кланов, групп, партий и фракций, намеренные защищать свои интересы. Около половины (120 из 249) мест получили традиционные лидеры в лице полевых командиров.

Институт полевых командиров возник практически у всех этнических групп в конце 70-х годов XX в., когда вспыхнула гражданская война, продолжавшаяся более 20 лет. В то время лидеры каумов прибегли к созданию вооруженных отрядов.

Совершенно очевидно, что делать это могли только те, кто имел средства и перераспределял их в пользу своих сторонников. Полевыми командирами становились либо сами традиционные лидеры, либо командиры, действовавшие под их руководством. Сила многих полевых командиров отражает их укоренённость в местной иерархии. Даже если вооруженный отряд создавался человеком, который принадлежал к не очень высокой ступени иерархии, но был успешен, то вокруг него формировалась своя группа поддержки из родственников и зависимых людей. Как правило, это были бывшие военнослужащие афганской армии, которые и так обычно составляли неформальные группы влияния в своих населенных пунктах. Таким образом, институт полевых командиров великолепно вписался в традиционную структуру афганского общества. Они получали ресурсы извне, со стороны как партий моджахедов, так и режима НДПА, что создало базу для сохранения старых и формирования новых каумов. В 1990-х годах в условиях фрагментации Афганистана и распада государства как политического института полевые командиры обрели полную власть над территориями, которые они контролировали.

Новыми источниками доходов полевых командиров стали поступления от занятий наркобизнесом. Они контролируют производство опиума практически во всех 28 наркопроизводящих провинциях (всего провинций 34), организуют транзит наркотиков, распределяют между собой маршруты транспортировки, перетягивают друг у друга наркокурьеров, организовывают нападения на наркокараваны конкурентов. Зачастую именно этот фактор становится первопричиной вооруженных столкновений, которые имеют сейчас место в Афганистане. Неэффективность в борьбе с наркопроизводством вызвана в том числе тем, что сокращение финансовых поступлений вызовет негативную реакцию полевых командиров, что скажется на общей стабильности и положении населения в стране.

Достаточно велики и средства, получаемые полевыми командирами извне. Им начали раздавать деньги американцы еще в октябре 2001 г. с целью заручиться их поддержкой в борьбе с талибами и «Аль-Каидой» и использовать афганские воору-

женные формирования для наземных действий с тем, чтобы минимизировать американские потери. В настоящее время целью такой политики является склонение традиционных лидеров к лояльности по отношению к центральной власти, а также создание благоприятной атмосферы среди пуштунов в отношении проведения антитеррористической операции. Стремлением предотвратить выступления полевых командиров против Коалиционных сил и правительства Х. Карзая вызвано и непринятие мер против тех из них, кто, по информации, имеющейся у западных спецслужб, замешан в производстве наркотических веществ и наркотрафике. Подобная тактика, с одной стороны, признает силу полевых командиров, а с другой – усиливает их, что отнюдь не способствует укреплению позиций центральной власти.

О силе полевых командиров свидетельствует сравнение возможности их и государства аккумулировать доходы. В то время как внутренние доходы государства в 2004 г. составили 200 млн долларов, доходы полевых командиров – несколько миллиардов. Сумма налогов, которая могла быть собрана в Афганистане в 2003 г., оценивалась примерно в 500 млн долларов, из которых в бюджет правительства попало только около 80 млн. А в 2002 г. лишь менее 10% доходов, полученных в Гератской и северных провинциях, поступило в государственную казну. Не подлежит сомнению и военное превосходство полевых командиров, поскольку Национальная армия Афганистана и полиция только формируются. Всё рассмотренное выше позволяет понять, почему так силен и устойчив институт полевых командиров и почему с таким трудом идет разоружение незаконных военных формирований.

Наиболее влиятельные традиционные лидеры в 1960-х годах и в период гражданской войны создавали политические партии. Но наибольшего расцвета эта деятельность достигла в период подготовки к парламентским выборам в 2004-2005 годах. Так, к июню 2005 г. количество зарегистрированных политических партий достигло восьмидесяти. Связь партий с традиционными лидерами обуславливает их персонификацию и тем самым фракционность. В партиях доминируют отдельные дея-

тели, а не идеологии или политические программы. Наличие нескольких влиятельных фигур ведет к фракционности и расколам. Так, крупнейшая партия страны «Исламское общество Афганистана» разделилась примерно на десять фракций и новых партий, которые отделились от нее.

Таким образом, за последние 40 лет институт традиционных лидеров успел принять три новые формы: лидеры каумов стали выступать в роли депутатов, полевых командиров и руководителей политических партий.

Подобно кауму, столь важный для племени **институт хана** при создании афганцами государства стал характеризовать и властные отношения во всем социуме. Ведь падишах лишь первый среди равных ханов дуррани. Рассмотрение статуса лидера племени дает возможность судить о весьма своеобразном статусе афганского государственного правителя. Роль афганского государства до событий 1978 г. во многих его проявлениях можно охарактеризовать как положение племенного вождя-хана, самофинансирующегося общественного слуги, использующего свое богатство и влияние на благо общины, поддерживающего равновесие и взаимодействие на более высоком уровне между различными социальными и этническими группами в масштабах страны – в значительной степени с использованием исторического опыта ханского руководства и его ролевых функций временно делегированного обществом властителя над общественными группами и одновременно посредника между ними.

Выполнение функций патрона по отношению к различным общественным группам внутри страны вынуждало афганское руководство становиться клиентом зарубежных стран. Государственная элита действовала как этнически стратифицированная иерархия посредников между державами, предоставлявшими ресурсы, и группами, получавшими благодеяния патрона. Вызванная этим политическая фрагментарность, как населения, так и элиты, означала, что элита старого режима не имела ни политической, ни организационной базы для отпора оппозиции. Структура старого режима навязывала модель этнической стратификации разнородным и фрагментарным мест-

ным сообществам. Подобное положение дел сохранилось также и в годы гражданской войны, когда противоборствующие стороны имели каждая своих патронов. И в настоящее время центральное правительство, этнорегиональные элиты и полевые командиры выступают, с одной стороны, клиентами, получающими ресурсы извне, а с другой – патронами, распределяющими их.

Постепенное разложение «ханского государства» и возрастающее противопоставление госаппарата и армии племенам связаны, в частности, с укреплением позиций городской буржуазии, усилением ее влияния на государственную власть и одновременным ослаблением воздействия на нее племенной организации. Однако социальные потрясения последней четверти XX в. не только вернули все на круги своя, но и укрепили прежний порядок вещей.

Помимо института хана, единство и выживаемость племени обеспечивается такими чертами последнего, как примат родственных отношений, жесткость социальной структуры, иерархия, выражающаяся в том, что лишь члены племени участвуют в джирге и только пуштуны имеют привилегию носить оружие, безусловное подчинение младшего старшему и рядового руководителю, наследование только по мужской линии, отсутствие браков женщин с мужчинами извне и наличие важнейшего идеологического регулятива в виде кодекса чести.

Существование в рамках племени собственной независимой от государства системы социальной регуляции, основанной на традиции (и, как правило, включающей элементы господствующей религии) означает, что племя альтернативно государству. Последнее для членов племени бесполезно, т.к. все его основные функции (поддержание социального порядка, организация хозяйственной жизни, оборона, разрешение спорных вопросов и т.п.) на определенном уровне социально-экономического развития общества племенная организация выполняет более эффективно, чем государственная власть, причем со значительно меньшими затратами. Данное обстоятельство весьма существенно для кочевых и горских народов, обладающих довольно ограниченными ресурсами. Соответственно

в племенном самосознании любая, а не только иноэтническая, государственная власть выступает как чужая и почти всегда враждебная сила. С точки зрения пуштуна, государство находится на периферии, где распадается привычный для него мир. Племя рассматривается как созданное еще при сотворении этого мира, а государство есть лишь инверсия «племени». Если ему нельзя противостоять, то к нему лучше адаптироваться, сохраняя определенную дистанцию.

Подчинение горских племен, там, где оно удавалось, всегда сопровождалось широкомасштабными и длительными военными операциями. Объясняется это в том числе и тем, что племя способно образовывать временные, однако достаточно эффективно функционирующие в тех или иных целях вооруженные отряды – ополчения.

Военная организация

Племенная организация афганцев всегда имела черты военного братства, причем каждое отдельное племя противостояло остальным, как враждебная, соперничающая единица. Племенной и вместе с тем военный союз представляет собой довольно типичную картину для кочевых племен, вынужденных восполнять свои хозяйственные потери угоном скота у соседей или грабежом земледельческих районов. Узкие возможности ведения хозяйства у кочевых и высокогорных племён вынуждают их прибегать к грабежам, формируя военную разбойно-паразитарную традицию. Но у афганцев мы находим более высокие формы военной организации, непосредственно сросшейся с организацией племенной. Предпосылкой этого выступил целый ряд обстоятельств. *Во-первых*, непрерывные завоевания на начальном этапе существования государства сохранили племенную структуру в качестве средства противостояния захватившему их государству и адаптации к нему, способствовали самоизоляции, внутренней консервации и дифференциации племен, закреплению за некоторыми из них героического, то есть связанного с войной, статуса. Иерархичность племен обеспечивает наилучшую военную организацию, что опирается на

приверженность членов племени оружию, которое является неизменным атрибутом афганцев, столь же необходимым и привычным, как одежда. Пуштунские племена всегда занимали привилегированное положение по отношению к другим этносам, занимаясь, в основном, такими, с их точки зрения, достойными видами деятельности, которые связаны с оружием (войной, грабежом, охраной караванов и т.п.).

Во-вторых, бедные области Афганистана с его малопродуктивными для земледелия почвами и засушливым климатом не в состоянии были обеспечить устойчивого пропитания местному населению, в то время как рядом располагались густонаселенные, богатые земледельческие долины верхней Индии, которые представляли собой заманчивый объект для грабежа. Подобная ситуация вызывала у кочевников стремление к военному присвоению в ущерб чисто хозяйственной деятельности. В зависимости от общей обстановки в Индии, афганцы в одних случаях прямо подчинили своей власти целые области, в других ограничивались кратковременными налетами, в третьих продавали свои услуги в качестве наемных солдат на службе индийских правителей и князей.

В-третьих, Афганистан располагался на древнейших торговых путях между Индией, с одной стороны, и Центральной Азией (Туркестаном) и Персией, - с другой. В этой связи вызванные переменой пастбищ постоянные перекочевки из района Сулеймановых гор к Амударье чрезвычайно рано повели к тому, что афганские кочевники стали и торговыми посредниками между рынками упомянутых регионов. Как сама эта торговля, так и занимающиеся ею племена именуются *повинда*. Вплоть до начала XX в. они соединялись в особые караваны по несколько тысяч человек и вместе со своими вооруженными отрядами, семьями, стадами, караванами верблюдов выступали осенью из района Газни в долину Инда с афганскими товарами, а весной возвращались с индийскими изделиями, пряностями и т.п. Естественно, подобные караваны нуждались в защите и тщательно охранялись. Выделились также племена, сопровождавшие другие торговые караваны.

Превращение Афганистана в «перекресток Азии» привело в то же время к тому, что важнейшие торговые пути, связывающие Индию с Афганистаном, оказались под контролем наиболее воинственных племен. В частности, большой торговый путь от Аттокской переправы (на Инде) к Пешавару контролировался юсуфзяями, Гомальский проход – вазирами, а Хайберский проход – афридиями. Это давало им возможность промышлять разбоем и извлекать вплоть до конца XIX в. большой доход, ведя постоянную войну с повинда, грабя торговые караваны или облагая их тяжелыми пошлинами. В условиях подобного рода занятий и необходимости защиты столь выгодного места жительства, данные племена сложились как объединения, организованные на военный лад. Огромная роль войны способствовала сохранению (у афридиев, вазиров и др.) или медленному разложению (у юсуфзаев и др.) родоплеменной организации и наложила отпечаток на все стороны их жизни.

В результате родовое объединение афганцев непосредственно переходит в военное, основной ячейкой которого является *улус*, включающий все мужское боеспособное население племени и находящийся под командованием племенного вождя и старейшин. Каждый крупный племенной вождь имеет под рукой несколько десятков мелких, освобожденных им от несения повинностей и налогов, но связанных с ним военным союзом. Элементами военной организации выступают *лашкар* – ополчение боеспособных мужчин для защиты района расселения племени и *бадрага* (конвой) – вооруженное сопровождение проходящих через территорию племени грузов и людей.

Все эти процессы вызвали необходимость создания наряду с патриархальной семьей – типичной формой всякого скотоводческого хозяйства – сильную военную власть руководителя племени.

Укреплению племени как военной единицы способствовали также наводнение в последние 20 лет XX в. «зоны племен» оружием и необходимость защиты посевов опийного мака.

«Кодекс чести»

Во многом благодаря большому значению военной организации афганские племена смогли сохранить свои собственные формы организации и даже в настоящее время остаться более или менее независимыми не только в Афганистане, но и в Пакистане. Они представляют собой самостоятельную историческую, этническую и культурную общность. Их политически-правовая независимость находит свое выражение в автономном от государства и сохраняющем высокую значимость для афганских племен кодексе традиционных правовых установлений паштунвала.

О стойкости и актуальном функционировании социально-политической племенной структуры свидетельствует и территориальность пуштунского нормативного порядка: такие племена, как мангалы, дзадзи (джаджи), дзадран (джадран), моманды и др. всегда весьма ревностно относились к своим территориальным правам, оказывая упорное сопротивление установлению государственного контроля над районами, которые они считают исконно им принадлежащими. Закрепление территории за тем или иным племенем свидетельствует о серьезной эволюции племенной организации у афганцев. Более того, племена считают, что в зоне их расселения всё, что находится на земле и под землей, принадлежит членам племени. Подобные представления ведут к острой борьбе за ресурсы как между племенами, так и между ними и государством.

В связи с ролью среди афганских племен традиционных обычаев и общественно-правовых актов, сконцентрированных в паштунвале, остается вопросом, в какой степени ислам вытеснил и заменил его во внутреннем социальном порядке пуштунских племен. Думается, что ислам, сосуществуя с традициями, оформленными в *адате*, пока не достиг доминирующего положения над ними, а является, помимо безусловно почитаемых у пуштунов присущих ему моральных норм, скорее системой понятий, через которую пуштуны могут выразить свою общность на более высоком идеологическом уровне, но к выражению которой прибегают лишь в особых обстоятельствах (как, например, иностранное вмешательство). Однако «адат» даже в этих обстоятельствах практически остается незатрону-

тым. Например, хотя кровная месть порицается муллами в их проповедях и запрещается правительством, она, тем не менее, законна и даже почетна в глазах народа. *Бадал* – кровная месть – является одним из основополагающих положений паштунва-ла. А предусмотренный традиционным правом запрет наследования по женской линии прямо противоречит исламу. Использование ислама сильными афганскими правительствами с целью навязывания племенам своих представлений о системе правления в стране, границах с другими народностями и т.п. нельзя признать до конца эффективными. Достаточно вспомнить политику эмира Абдуррахмана в отношении племен нынешней СЗПП Пакистана и результаты действия пуштунских племен в Кашмире, которые привели лишь к временной и далеко не полной их мобилизации для достижения политических целей. Следовательно, религиозные моменты в самосознании пуштунов тесно переплетены с этническими и даже клановыми.

Еще одним подтверждением этого стала неудача попыток исламской фундаменталистской оппозиции вовлечь племена в орбиту своего влияния. В «зоне племен» ее роль была очень невелика. Все дело в том, что исламский фундаментализм по своей сути противоречит племенному образу жизни, разрушает племена, вводя в частности, право наследования по женской линии, универсальные представления поверх клановых и этнических перегородок и т.д. Никаких исламских комитетов в зоне расселения племен не существовало, руководители племен просто не допустили бы их создания на своей территории. Вследствие этого основными районами действия фундаменталистской оппозиции были Кабульская провинция и северные районы, где вооруженная борьба носила особо ожесточенный характер, в то время как активных боевых действий в «зоне племен» не велось. В «полосе племён», как и встарь, действовали (и действуют) отряды племенного ополчения, возглавляемые главами племен, причем их действия ограничены строго территорией расселения своего племени. Заняты они были, как и прежде, контролем над дорогами, организацией засад, нападением на автомашины.

Легкость установления власти талибов в пуштунских районах обусловлена тем, что применительно к ним фундаментализм этого движения, характерный и для пакистанской «Джамиат-е улема-е ислам», на которую они ориентировались, на практике в большинстве случаев оказался не разрушением традиционной структуры и патриархальных устоев, а, наоборот, средством их сохранения.

В целом, иерархию власти на племенном уровне контролируют лидеры племен, а не мусульманское духовенство. В пуштунских племенах в Афганистане суннитские религиозные лидеры имели и имеют слабую институциональную базу, хотя и пользуются широким уважением у населения. Более того, в племенах муллы не пользуются теми привилегиями, которые есть у пуштунов. В частности, муллы не имеют права голоса на джирге. А среди кочевых племен муллы, подобно членам профессиональных групп (ремесленникам, торговцам), являются аутсайдерами. Концепция отсутствия посредника между богом и людьми выступает вообще характерной чертой суннитского ислама. Сунниты считают, что человечество должно жить по законам Корана, сунны и шариата, но нет никакого посредника, осуществляющего контакт между землей и небесами. Статус суннитского духовенства среди пуштунских племен в связи с этой неопределенностью их положения весьма во многом зависит от сотрудничества с лидерами племен или с государством. На племенном уровне в Афганистане нет организованного духовенства. Иерархия религиозных деятелей возникает только на уровне племенных групп и городов, она лишь формально связана с властью старост деревни, помогая им контролировать соплеменников и интерпретировать традиционный закон в их интересах. Представители религиозной иерархии, интегрированной в госаппарат и являющейся своеобразным посредником между центральной и племенной властью, выступают одним из элементов государственной структуры, во взаимодействии с которыми находятся племена.

Взаимоотношения с государством

В целом государство и пуштунские племена являются взаимопроницаемыми социально-политическими феноменами. Племена находятся во взаимосвязи – противодействии с государством не как с неким монолитом, а с его составными частями. Иными словами, в Афганистане, как, например, и в Северном Йемене, сложилось особое политическое образование – симбиоз государства и племен (как самостоятельных «политических» единиц и форм организации политического пространства), или, точнее, как отмечалось выше, государство продолжало сохранять черты племенного объединения. Государственная власть, по сути, не достигла племен. Исторически сложился дуализм власти – центрального правительства и племен, обладавших известной долей самоуправления. Государство и племя не смогли подавить одно другого, в итоге стали поддерживать и опираться друг на друга. Концептуально находясь в отношениях противостояния, на практике афганское племя и государство диалектически связаны как части целого и настолько же противоречиво взаимодействуют, поскольку по сути своей и в своих элементах разнородны. Конкретно это проявлялось в том, что племена обладали особыми отношениями с Кабулом, ревностно ограждали свой жизненный уклад, будучи способны быстро мобилизоваться для его защиты. Районы, населенные пуштунами, составляли известный политический противовес Кабулу. Попытки центральных властей посягать на полунезависимый статус племен приводили к серьезным социальным потрясениям, порою принимавшим масштабы и характер национальных катаклизмов. Отсюда слабость центрального правительства и неудачи его реформ. Сохранение племенной структуры тормозило любые новшества, генерировавшиеся Кабулом.

Контроль центральной власти был настолько слабым, что в ряде районов даже не было местных органов власти, административные функции выполняли ханы племен и главы кланов, опираясь не только на силу, но и на авторитет и традиционные нормы. В провинциях ханы борются за расширение своего патронажа, стремятся быть судьями в местных конфликтах.

Можно выделить три социально-политических типа племенной организации пуштунов, для которых характерны раз-

личные уровни и формы взаимоотношений с центральной властью. К первому типу относится наименее политизированная и наиболее эгалитаристско и антигосударственно ориентированная организация пуштунских племен, в которой роль *джирги* (совета, буквально «круг») является определяющей, роль вождя ограничена консенсусом джирги, от которого зависит сохранение лидерского статуса за тем или иным представителем племени (дзадзи, часть племен вазиров, афридиев и др.). В организации второго типа роль джирги отходит на второй план по сравнению с ролью вождя, приобретающего наследственный статус. Вожди этого типа активно использовались центральной властью для регулирования ситуации в племенах путем обложения их правами сбора налогов с соплеменников и транзитных торговцев от имени правительства, прямого субсидирования и пожалования земельных участков. К этой группе относится часть племен дуррани, юсуфзаев, момандов и др. Третий тип племенной организации – кочевнический, для которого характерен низкий статус вождя и вообще отсутствие сколько-нибудь постоянного центра власти в группах, превышающих по размеру семью. К ним относятся часть гильзаев, дуррани, афридиев и др.

Подобная неравномерность изживания у различных пуштунских племен и кланов родоплеменных институтов и традиций вызвана неравномерностью социального и экономического развития в сочетании с особенностями политического бытия. В изолированных труднодоступных горных районах традиционные отношения и нормы обычного права паштунвала сохраняли значительную устойчивость. В районах, примыкавших к крупным экономическим и административным центрам, изживание традиционных институтов происходило гораздо быстрее. В наши дни их пережитки сохранились здесь, как правило, только на уровне групп семей, объединенных происхождением (или именем) общего предка и осознанием общности происхождения с другими, аналогичными группами.

Социологи и этнографы, изучавшие особенности разложения и трансформации родоплеменных отношений в пуштунском обществе, в зависимости от силы и устойчивости сохра-

нившихся пережитков традиционных институтов, нередко делят пуштунов Афганистана на «детрибализованных» и «трибализованных» (Деление это бытует и в сознании многих представителей пуштунской интеллигенции). К трибализованным относят пуштунов полосы племен, протянувшейся вдоль границы с Пакистаном. Следует отметить, однако, что даже в тех районах Афганистана, где детрибализация зашла весьма далеко, пережиточные представления о существовавшей клановой и племенной общности и в наши дни оказывают весьма серьезное влияние на политические настроения пуштунского населения.

Сами пуштуны именуют два типа социальной организации, на которые племена начали делиться с начала XX в., как *нанг* и *каланг*. «Нанг» (чувство чести, честь) преобладает среди горных племен и означает следование традициям и обычаям, предписываемым «паштунвала». Хозяйство в таком обществе основано на пастбищном скотоводстве, население проживает в небольших деревнях и одиночных поселениях. Эгалитарное и не имеющее руководителя племя не подпадает под большую государственную систему (в этом плане важно существующее в сознании афганцев деление на *ягестан* – «земля племен», буквально «земля повстанцев» и *хукумат* – «правительство») и состоит из ряда родственных групп, в которых очень высока степень родственной самоидентификации. Население неграмотно, происходит устная передача традиций. «Каланг» (дань, налог) распространен среди равнинных пуштунов, в среде которых происходит размывание и отмирание обычаев «паштунвала». Хозяйство основано на орошаемой земледелии и собственности на землю. Население проживает в больших деревнях, наблюдается тенденция к урбанизации. Иерархически – организованное сообщество возглавляется ханом и включено внутрь больших систем, общественный статус его членов определяется в большей степени материальным положением или сферой городских занятий (служба в армии, полиции, административном аппарате и т.п.). Население грамотно, осуществляется письменная передача знаний.

В целом можно говорить о превращении рода в клан, что свидетельствовало о переходе этноса на новую ступень разви-

тия. Если в племени существует только род, то превращение рода в клан (на уровне благородных родов) указывает на возникновение племенного объединения и формирование протонародности, в рамках которой сосуществуют клан и род. В основе клановой солидарности и взаимопомощи лежат кровнородственные отношения (по мужской линии до седьмого колена), которые на социально-психологическом уровне подкрепляются верой в духов предков, бытовой обрядностью, изустной историей и т.п. Пренебрежение кем-либо из членов клана традициями солидарности и взаимопомощи делает его человеком, не заслуживающим уважения. В свою очередь, клан обеспечивает коллективную защиту каждому из его членов, в том числе и от произвола отдельных представителей государственной власти.

Переход афганцев к началу XVIII века к оседлости и земледелию и закрепление определённой территории за тем или иным племенем означало складывание народности, когда клан дробится на большие семьи, на базе которых возникает территориальная (соседская) община, а в её рамках - территориальный клан.

Собственностью общины, то есть принадлежащими всем ее членам считались лишь пастбища, пустоши и леса. Коллективное пользование ими, а также ирригационными сооружениями и мельницами в значительной степени уступило свое место частному долевному пользованию. Если крупные магистральные каналы и остаются в совместном владении, то поступающая по ним вода и мелкие оросительные сооружения являются частной собственностью. Жители деревни совместно трудятся над сооружением и ремонтом крупных ирригационных сетей, прокладыванием дорог, строительством оборонительных укреплений. Коллективная обработка земли у племен отсутствует, обычай передела земли (*vesh*) к концу XIX в. фактически прекратил свое существование. Даже пастбища у кочевников находятся в собственности индивида или группы индивидов. Вполне возможно, что кочевые племена осели на землю, чему в немалой степени способствовало выращивание опийного мака. По крайней мере, по свидетельству очевидцев, к концу XX в.

прекратились сезонные перекочевки в Пакистан. Мельчайшей социальной клеткой в племенах давно является малая хозяйственная семья, хотя низкий уровень производительных сил и объективно сложные условия хозяйственной деятельности в «зоне племен» сохраняют необходимость в объединении их усилий для совместного противостояния экономическим трудностям.

Процессы в афганском этносе носили, таким образом, многоплановый характер становления протонародности и превращения её в народность.

Ослаблению племенной организации способствовала и переселенческая политика афганских эмиров.

Попытка М. Дауда нарушить баланс между племенами и центральной властью в пользу последней во многом способствовала дестабилизации политической ситуации. Но в условиях войны и всеобщего разрушения, вынудивших племена самоизолироваться, на первый план стала выступать военно-племенная организация. Некоторые крупные кланы и племена, наиболее удаленные деревни в условиях войны усилили и даже заново воссоздали свои самоуправленческие воинские атрибуты: джиргу как высший орган политической и военной власти и вооруженное ополчение всех мужчин. Так, в 1981 г. в районе Кандагара началось движение местных собраний (джирг).

Племена, которые поддерживали отношения с правительством НДПА, формировали на своей территории так называемую милицию (*малиши*). Кабульское руководство не создавало в этих районах собственные структуры власти. Основными задачами милиции были защита ее районов от моджахедов и охрана дорог, используемых правительственными силами. Отряды малишей, как правило, противостояли моджахедам, принадлежавшим к враждебному племени. Их отношения с правительством были похожи на связи между отрядами моджахедов, действовавших на афганской территории, и партиями оппозиции в Пешаваре: милицейские формирования могли менять свою лояльность в зависимости от собственной выгоды, но не поддавались внешнему контролю.

Думается, что племена у афганцев в настоящее время всё больше утрачивают черты кровнородственного коллектива.

Они оказались удобной формой для занятия наркобизнесом, который делает членов племени объединением людей, занятым одним делом. В 1989 г., по данным госдепартамента США, на территории Афганистана было произведено около 650 т опиума-сырца (по сравнению с 41,5 т в 1984 г.) и по этим показателям Афганистан вышел на второе место в мире после Мьянмы (Бирмы). Производство опиума в Афганистане непрерывно росло на протяжении всего периода 90-х годов XX века. Ещё в 1991 г. Афганистан вышел на первое место в мире по выращиванию опиумного мака, когда преимущественно в зонах, контролируемых отрядами моджахедов, было выращено 2400 т опиума. В 1994 г. в Афганистане произведено 3000 т, то есть на 500 т больше, чем в Мьянме и Лаосе. В 1997 г. собрано 2805 т опиума-сырца, в 1998 г. – 2700 т, в 1999 г. – 4565 т с площади 80 тысяч Га (75% мирового объёма), что адекватно примерно 460 т героина, в 2000 г. – 3276 т, в 2001 г. – 185 т, в 2002 г. – 3400 т, в 2003 г. – 3600 т, в 2004 г. – 4200 т и в 2005 г. – чуть меньше (площадь более 100 тыс. Га). Приграничные районы оказались чуть ли не сплошной полосой плантаций и пунктов по производству наркотиков. Выгоднейшее производство, контрабандная транспортировка и торговля наркотиками превратила внешне традиционные пуштунские племена в военно-политические образования, весьма напоминающие дисциплинированные мафиозные корпорации.

Сохранению афганским государством черт союза племён во многом способствовало влияние особенностей пуштунского племени на политическое развитие страны.

Сохранение афганским государством в 1747-1978 годах черт племенного союза

Важнейшей предпосылкой формирования государства явилось то, что знать некоторых афганских племен уже в XVI – первой половине XVII вв. заняла важное место в иерархической системе управления территориями государств, в границы которых в эту эпоху входили области современного Афганистана (государства Шейбанидов, Великих Моголов и Сефевид-

ского Ирана). Внутри пуштунского этноса выделились привилегированные кланы, обязанные своим возвышением не столько положению в традиционной системе родоплеменного деления, сколько связям с сефевидским двором. Например, Сефевиды сделали вождем племени абдали Асадулла-хана Попользая (род. 1558 г.), главу клана садозаев, к которому принадлежал и основатель Афганского государства Ахмад-шах Дуррани. Садозаи получили в связи с этим ряд привилегий: его представителей нельзя было, например, предать смертной казни за совершенные им проступки или преступления; на них не распространялись законы кровной мести.

Образование государства ханами племён

На фоне ускоренного социально-экономического развития пуштунских земледельческих поселений названные обстоятельства привели к тому, что знать абдали после развала империи Надир-шаха Афшара (1736-1747) сумела создать в восточных районах этой империи собственное государство, главой которого стал вождь племенного объединения. После гибели Надир-шаха афганские контингенты его армии, во главе которых стояло несколько ханов из племени абдали, захватив часть артиллерии и шахской казны, двинулись к Кандагару. Здесь около мазара Шир-Сурх в октябре 1747 г. собралась джирга наиболее влиятельных и могущественных ханов всех основных кланов племени абдали. После нескольких заседаний они избрали шахом молодого военачальника Ахмад-хана. В этом государстве абдалийские ханы, стоявшие у его колыбели, прочно заняли первое место, что обеспечило им в будущем руководящее положение в афганской державе. Их привилегированное положение подчеркивалось переименованием всех абдали в *дуррани* (*дурр* – «жемчуг»). Принятие Ахмад-шахом титула *дурр- и дурран* («жемчужина жемчужин») указывало также на то, что сам шах среди дурранийских ханов является лишь «первым среди равных», что полностью соответствует известной формуле европейского средневековья. Для дуррани шах был, прежде всего, вождем племени (этим, в частности, объясняются невиданные в других странах Востока простота и демократизм

в общении с ним дуррани, а также афганцев других племен, о чем пишут все путешественники). Ханы дурранийских племен стремились обеспечить за собой постоянное решающее влияние на государственные дела и участие в управлении государством. Они получили важнейшие государственные, придворные и военные должности, закрепленные за их семьями. Например, должность визиря, который был вторым после шаха лицом в государстве, получили наследственно ханы рода бамизаев племени попользаев. Вообще, из знати этого племени назначалась большая часть высших чиновников, в частности *ишикагаси* – глава придворного ведомства, церемониймейстер, «главный докладчик» и *мирухур-баши* (великий конюший) (последняя должность закреплена за ханами клана исхакзаев). Даже в конфликтных ситуациях шах не мог изменить установленной процедуры. Видную роль в государстве играли и многие ханы остальных племен дуррани, в особенности баракзаев. Из вождей афганских племен Ахмад-шах образовал постоянную джиргу в столице, с которой он совещался о важнейших государственных делах. Собрав в столице ханов крупнейших афганских племен (и, прежде всего ханов дуррани) вместе с их дружинами, он, видимо, надеялся держать их под постоянным наблюдением, чтобы иметь возможность решительно пресекать попытки неповиновения. Однако фактически владыками построенной заново столицы стали ханы дуррани, поскольку в окрестностях Кандагара находились поселения их племени. Поэтому Тимур-шах сразу по вступлении на престол перенес столицу в Кабул. Роль дурранийских ханов в политической жизни и привилегированное положение дурранийских племен, на которые они опирались, дали основание историкам именовать государство Ахмад-шаха и его преемников «Дурранийской державой». Само это название отражает такую особенность данного государства, как его формирование на племенной основе.

После распада державы Дуррани собирание Афганистана и управление им осуществляли вожди клана мухаммедзаев племени баракзаев. Ханы баракзаев не были связаны такими обязательствами, как ханы сазозаев. Они могли формировать органы власти по своему усмотрению. Это означало шаг в эво-

люции афганского государства к этническому государству, что представляет собой уникальное явление в Азии. Подобной эволюции способствовало и повторное завоевание в течение второй половины XIX в. левобережья Амударьи, а также Хазараджата и Кафиристана, что привело к включению в состав Афганистана целого ряда других этносов.

В 1929 г. на собрании своих приближенных и сторонников Надир-хан был провозглашен королем Афганистана под именем Надир-шах. Он принадлежал обеим эмирским династиям: по отцовской линии он был мухаммадзаем, а по материнской – садозаем. В 1978 г. власть перешла от дуррани к гильзаям, и после небольшого перерыва во второй половине 90-х годов XX в. вновь оказалась у них уже как у талибов. Даже после падения режима талибов в полном соответствии с афганской политической традицией Соединенными Штатами был предложен в качестве руководителя Афганистана Хамид Карзай – глава племени попользаев, к которому принадлежали все правители страны до 1978 г. Избранный президентом 9 октября 2004 г., Х. Карзай последовательно проводит политику назначения пуштунов на ключевые посты.

Использование племенных институтов и налоговые послабления

В афганских землях империи Дуррани сразу не мог быть создан феодально-бюрократический аппарат, и имело место постепенное приспособление для нужд молодой афганской державы сохранившихся у афганцев органов родового строя, поскольку племенная знать не располагала еще достаточной силой, чтобы уничтожить освященные вековыми традициями социально-экономические порядки. Поэтому ханы племен преобразовали и адаптировали к новым условиям старые родоплеменные институты, соединив военную организацию, гражданское устройство и племенное начало в формах, отвечавших их интересам.

В частности, высший гадпарламентский орган власти в Афганистане – *Лойя джирга* – имеет своим прообразом джиргу

племен. Она выступает в качестве важного элемента государственного строя Афганистана со времени образования Дурранийской державы и до наших дней. Лойя джирга созывалась королями и президентами для решения наиболее важных вопросов, связанных с престолонаследием, принятием конституций, объявления войны и т.п. Однако Лойя джирга имела не периодический, а чрезвычайный характер, т.е. её созывы были приурочены к какой-либо конкретной проблеме, требующей совместного решения. Состоявшаяся 10-21 июня 2002 г. чрезвычайная Лойя джирга определила состав Переходной администрации во главе с Хамидом Карзаем, получившим президентские полномочия с правом принятия законодательных актов. С 14 декабря 2003 г. по 4 января 2004 г. проходили заседания конституционной Лойя джирги, на которой была принята Конституция Афганистана. Согласно последней, Лойя джирга созывается для решения следующих вопросов: 1) принятие решения по вопросу независимости, национального суверенитета, территориальной целостности и высших интересов страны; 2) внесения поправок в Конституцию; 3) в случае, если парламент, в порядке, прописанном в статье 69 Конституции, выдвинул обвинения против президента.

Что касается налогообложения племён, то в большинстве своем афганские племена в Дурранийской державе были освобождены от уплаты государственных налогов (или уплачивали подати весьма необременительные), за что обязаны были, как при Надир-шахе, выставлять в войска по всаднику с каждого плуга. Отряды этих войск составлялись из людей определенного клана и находились под начальством своих ханов и вождей. Главы кланов командовали более крупными подразделениями, вожди подразделений кланов – более мелкими отрядами, а шах, являвшийся в то же время верховным вождем дуррани, считался главнокомандующим всеми дурранийскими войсками. Эти войска, получившие название «ханской конницы», наряду с наемной гвардией самого шаха представляли собой основную силу афганской армии, лишь 30% численности которой приходилось на регулярные части. Дружины ханов и ополчения племен, составлявшие по численности бóльшую часть вооружен-

ных сил империи, никогда полностью не подчинялись власти шаха и были весьма слабо связаны между собой.

В части уплаты налогов в особо привилегированное положение было поставлено племя дуррани. Оно было освобождено от племенного налога, налога со скота, садов, виноградников, подъемной подати и кроме незначительного сбора с мельниц и на содержание мирабов и кедхуда не платило ничего. Сказанное в значительной мере относится и к другим афганским племенам.

В некоторых случаях отдельные племена были обязаны выплачивать шахам дуррани определенную дань, но, как правило, она носила чисто символический характер. Например, восточные гадуны посылали шаху ежегодно лошадь, одного - двух соколов и маленькую сумму звонкой монетой. Но даже в тех случаях, когда шахи взимали с племен в виде налога некоторые суммы денег, половину их удерживали в свою пользу ханы. Иногда же весь налог, собиравшийся с племен и всего того района, где это племя обитало, отдавался в *джагир* (пожалование) ханам племени за их службу в армии или при дворе шаха. Так, племя мухаммедзаев в конце XVIII в. насчитывало около 20 тыс. семей; с района, где находились их поселения, в год взималось 3 *лакха* (300 тыс.) рупий; налог этот был отдан в *джагир* их хану Гулам Мохиуддин-хану, приближенному Тимур-шаха. В ряде случаев сбор налогов в областях, населенных афганскими племенами, возлагался на местных ханов, присваивавших себе часть налогов, а у банну, марватов, отчасти у юсуфзаев даже до половины. Отдача на откуп ханам права взимания налогов с племени во многом способствовала превращению ханов из родовых вождей в территориальных владык.

Вся последующая история Афганистана характеризуется попытками центральной власти (в частности, при Шер Алихане, Абдуррахмане, Аманулла-хане) урезать налоговые льготы племен и создать боеспособную армию, сравнимой с племенными формированиями. Сделать это удалось только во второй половине XX века. Однако фрагментация Афганистана в 1990-х годах привела к независимости племен и появлению вооруженных формирований у других этносов. Так, еще недавно Исмаил-хан располагал армией в 15-20 тыс. человек, А. Дустом – 15-

20 тыс. чел, а хазарейцы имели отряды, насчитывающие 15 тыс. человек.

Власть ханов

Административное деление территории, занятой племенами, было проведено так, что земли каждого клана и крупного подразделения образовывали отдельную административную единицу, во главе которой уже в качестве правителя и представителя государственной власти был поставлен вождь соответствующего клана или подразделения. Таким образом, афганские племена управлялись своими наследственными или выборными ханами и джиргами (советами старейшин).

Под непосредственной властью шаха, осуществлявшейся через назначенных им правителей, находились в основном *вилайаты* (области или провинции), населённые неафганцами. Подобно тому, как в племенах пуштуны занимали привилегированное положение по отношению к непуштунам, так и в стране территории, населённые пуштунами, имели особый статус. Таким образом, «лоскутный» характер империи Дуррани проявлялся не только в сфере национальной, культурной, языковой, но и в сфере административной.

Помимо сбора налогов на ханов возлагалась ответственность за безопасность горных проходов и дорог, за вывод населения подвластных им территорий на *бегар* (общественные работы). Кроме того, им поручали набор воинов в армию шаха. За выполнение этих функций ханам племен давали джагиры, и они становились вассалами шаха, обязанными ему несением службы.

В результате всех этих процессов ханы, которые были одновременно вождями своих племен, военачальниками, правителями и сборщиками податей, во многих случаях сохраняли фактическую независимость. В пределах своих владений ханы обладали всей полнотой власти, являясь там полными хозяевами.

Подобное всевластие афганских ханов предопределялось тем, что власть их носила двойственный характер, имела как бы двойную легитимность. С одной стороны, ханы облекались ша-

хами властью над населением определенных областей и районов, превращаясь тем самым в вассалов шаха и представителей центрального правительства на территории своего племени, в результате чего происходило включение феодальной верхушки племен в административный аппарат державы Дуррани. В то же время ханы оставались патриархальными вождями своих племен и родов, их авторитет освящали традиции родоплеменного строя. Укреплению влияния ханов способствовало и то, что они сосредотачивали в своих руках помимо гражданской и военную власть, так как имели собственные дружины и командовали племенными ополчениями, а также обладали судебной властью. Кроме того, при полукочевом характере хозяйства большинства афганцев власть хана усиливалась тем, что он был организатором и руководителем перекочевков.

В итоге, хотя внутренняя жизнь племени все еще в значительной степени регламентировалась положениями обычного (родового) права афганцев, ханы племен все больше и больше забирали в свои руки действительную власть, маскируя ее пережитками ушедшего в прошлое родового строя. Иными словами, речь шла о независимости ханов не только от шахов, но и от традиционных институтов. С ослаблением власти шахов Дуррани крупнейшие из этих ханов племен превращались в фактически самостоятельных владетелей. Одним из них в конце правления Тимур-шаха был Мансур Али-хан, правитель Баджура, населенного афганцами племени торкланри. Во всех вопросах внутреннего управления он был полностью независим – собирал в свою пользу налоги и пошлины, что давало ему до 1 лакха (100 тыс.) рупий в год, творил суд и расправу. Он обязан был лишь выставлять по требованию шаха воинский отряд, численность которого не была точно определена. К началу XIX в. этот племенной вождь превратился в фактически независимого князька, который был неограниченным владыкой над несколькими десятками тысяч подданных. Такими же независимыми князьками стали хан Дира и сеид Кунара.

Сказанное относится не только к афганским племенам, но и к части хазарейцев, находившихся под властью хакимов Ба-миана и Кандагара, а также аймаков, подчинявшихся намест-

нику Герата. Вожди аймаков собирали налоги со своего племени, содержали за свой счет вооруженные дружины, творили суд над своими соплеменниками с правом жизни и смерти. Хотя они правили от имени шаха, их никто не контролировал в вопросах управления собственным племенем. С хазарейцев налоги также собирались местными хазарейскими ханами, ревниво оберегавшими это свое право от всякого вмешательства со стороны хакимов и чиновников.

Будучи подлинными хозяевами положения на местах, вожди афганских племен имели лишь одну существенную обязанность – несение воинской службы. Однако они выполняли ее лишь в той мере, в какой она представлялась выгодным и прибыльным делом для них самих. Таким образом, государство Ахмад-шаха напоминало союз племен и было весьма непрочным, а власть этого государства была фактически ограничена силой и влиянием вождей важнейших афганских племен, в первую очередь дуррани. В отношении их он не обладал действительными средствами принуждения, поскольку сами они располагали преобладающей военной силой. Оставался путь лавирования и компромисса. «Мир и согласие» между шахом и вождями крупнейших афганских племен могли устанавливаться лишь при условии совпадения в той или иной мере интересов обеих сторон, которое проявилось главным образом на почве завоевательных походов. Внешние войны были одинаково выгодны и шаху и знати. Успешная война пополняла казну шаха, что в свою очередь позволило ему создать хорошо оплачиваемую наемную гвардию. Набранная не из афганцев, а из таджиков и кызылбашей, она служила известным противовесом «ханской коннице» дуррани и являлась непосредственной военной опорой. Первая же военная неудача влекла за собой заговоры и восстания в самом Афганистане. Отказаться от походов и завоевательных войн значило для Ахмад-шаха лишиться поддержки в самом Афганистане и стать марионеткой в руках баракзайских ханов, вождей самого могущественного из дурранийских кланов. Так оно и произошло с его преемниками.

Особое положение племен

Привилегированное положение ханов, закрепленное в структуре государственного устройства, предопределило и особое положение племен в стране и тем самым фактическое двоевластие в лице центра и племен. Незавершенность разложения племён и становления народности, задержка на стадии протонародности обусловлены рядом причин:

- 1) наличием кочевого скотоводства как основы хозяйственной деятельности многих афганских племен;
- 2) устойчивым характером патриархальной деревенской общины в оседлых землевладельческих районах;
- 3) постоянным соседством оседлой и кочевой части населения, что консервировало исторически сложившееся разделение труда между кочевниками-скотоводами и оседлыми земледельцами;
- 4) медленным оседанием кочевников на землю;
- 5) политическим преобладанием афганской племенной знати.

Использование родоплеменных институтов вследствие указанных процессов послужило причиной консервации оставшегося к середине XVIII в. деления на племена и роды. В результате государство, являющееся, по сути, альтернативой племени, в Афганистане взяло на себя племенной этноним, сохранило и закрепило некоторые черты племенной структуры, став тем самым орудием трайбализма. В итоге государство во многом сохраняло черты племенного образования, что и обусловило самостоятельность входивших в его состав племён (в племенном объединении племена как раз и сохраняют независимость).

Подобное развитие событий не могло не обусловить слабость государства. Клановая система стала особенностью центральной власти. В целом государство оказалось опирающимся на неадекватную ему узко этническую и клановую базу племенной военной организации.

В свою очередь, слабость позиций руководства страны в условиях очень высокого этнического разнообразия толкала его к опоре на свой собственный клан. Тем самым круг замкнулся.

Особому положению племен и их автономии от центральной власти способствовал еще ряд обстоятельств. *Во-первых*, естественная изолированность районов их расселения, создаваемая горами, горными долинами и пустынями.

Во-вторых, родоплеменная организация афганцев представляла собой своеобразную, но совершенно определенную хозяйственную и административно-политическую систему, в рамках которой замыкалась деятельность основных масс афганцев. Раздел земли и воды, разверстка и взимание налогов и различных единовременных сборов, вербовка и набор в армию и т.д. производились по племенам. Каждое из афганских племен занимало свою строго определенную территорию с пастбищами, пашнями, источниками воды и укрепленными замками – *кала*, служившими резиденцией главам племён и их подразделений – ханам и маликам.

Все эти процессы обусловили неустойчивость положения садозайских шахов и относительную слабость их власти. Зависимость шахов от отдельных племен и родов и неполная подчиненность центральной власти вели к тому, что афганские шахи не имели возможности вмешиваться в их дела. Показательны некоторые факты, характеризующие взаимоотношения садозайских шахов с племенами, занимавшими земли в районе Хайберского прохода. Чтобы держать его открытым, шахи, подобно правителям ранее существовавших государств, предпочитали откупаться от этих племен ежегодной выплатой крупных денежных сумм. При садозаях они получали до 130 тысяч рупий в год.

И все же контроль властей над Хайберским проходом не был прочным. Местные афганские феодалы, опираясь на силу окрестных племен, нередко нарушали движение караванов. Вожди племен постоянно взимали пошлины с торговых караванов, а то и грабили их.

О большой силе племенных отношений говорит и следующий факт. Когда Ахмад-шах задумал основать новый город взамен разрушенного Надир-шахом Кандагара и клан попользаев предоставил часть своих земель для будущей столицы, то постройка велась общими усилиями племени, и подобно тому,

как в дурранийской деревне каждое племенное подразделение населяло отдельную ее часть, имеющую своего особого старшину, так и в Кандагаре каждое подразделение отстроило и заселило свой отдельный квартал.

Ханы племен ревниво оберегали свою независимость от покушений со стороны шахской власти. Особенно это касается малых племен, проживающих в районах, через которые ныне проходит пакистанская граница: джадран, мангал, тани, тури, момандов, мамудов, сафи, шинвари и других. Эти племена никогда не принимали власти государства. Рост феодального землевладения знати афганских племен, которая, как уже отмечалось, сохранила в своем распоряжении вооруженные силы и располагала почти бесконтрольной властью на территориях, занимаемых этими племенами, таил в себе зародыш неизбежных сепаратистских тенденций.

И эти тенденции не замедлили проявиться, что вызывало децентрализацию Дурранийской державы. В землях некоторых афганских племен, как указывалось выше, в конце XVIII в. создавались мелкие феодальные владения, такие как Дир у юсуфзаев, Лальпур у момандов и др. В землях других племен (прежде всего у дуррани) имел место переход значительной части государственного земельного фонда и шахского домена в руки местных феодалов, что также значительно ослабляло экономическую базу государства садозаев. Особенно интенсивно шло расхищение государственного земельного фонда в Кандагарской области, где уже к 1793 г. дурранийские сардары захватили почти половину всех облагаемых налогом земель, причем в казну шаха шло в 2 раза меньше, чем джагирдарам. Велики были владения джагирдаров также в Герате.

Центральную власть, опиравшуюся лишь на одно племя, подрывали мятежи дурранийских ханов и вождей других афганских племен. Даже против Ахмад-шаха ханы неоднократно поднимали восстания. Кроме того, как и всякое феодальное государство, разросшееся путем завоевания, держава Садозаев расшатывалась восстаниями покоренных народов.

При слабом экономическом развитии разобщенность завоеванных Ахмад-шахом территорий крайне затрудняла более

или менее прочное их объединение. Большим препятствием к централизации была замкнутость отдельных афганских племен, продолжавших при сохранении фактической самостоятельности жить своими узкими местными интересами.

Противоборство центральной власти и ханов племён

Разумеется, шахи не могли мириться с подобным ходом событий и боролись с сепаратизмом ханов племен. В борьбе за укрепление власти шахи Дуррани могли опереться на гвардию, на разноплеменную (преимущественно ирано-таджикскую) служилую бюрократию и мусульманское духовенство, которые зависели от их милостей, и, наконец, на верхушку индийских купцов, участвовавших в финансировании завоевательных предприятий афганских шахов. Однако всех этих сил было явно недостаточно, чтобы противостоять ханам афганских племен. Это обстоятельство вынуждало шахов Дуррани искать обходные пути к упрочению своего положения и власти.

Ахмад-шах, стремясь ослабить ханов могущественного клана баракзаев, выделил из него род ачакзаев. Гильзаям, одному из крупнейших племен, он запретил иметь вождя племени, а над отдельными кланами этого племени ставил правителями преданных ему сардаров - дуррани. Чтобы не допустить усиления власти правителя хаттаков, Ахмад-шах главе (раису) этого племени хакиму Акоры противопоставил хана Тери, дав ему также звание хакима, тем самым оба эти правителя были поставлены в одинаковое положение. До этого хаким Акоры считался старшим и хан Тери находился у него в подчинении. Ахмад-шах сделал также попытку противопоставить могущественным сардарам дуррани ханов восточно-афганских племен. С этой целью было создано искусственное образование, известное под именем «бар-дуррани», т.е. «верхние» или «горные» дуррани, в которое вошли юсуфзаи, таркланри, моманды, хаттаки и некоторые другие восточно-афганские племена.

Однако эти попытки не могли, конечно, решить вопроса подчинения ханов афганских племен центральной власти.

После смерти Ахмад-шаха в Афганистане продолжался рост крупного феодального землевладения ханов афганских племен и расхищение ими государственных земель. В то же время усилилось сопротивление покоренных народов афганским завоевателям. В итоге влияние центральной власти, особенно в отдаленных провинциях, постепенно слабело. В результате всех этих процессов Афганистан распался на ряд фактически независимых феодальных владений. Большая часть горных афганских племен сохраняла самостоятельность, управлялась по своим обычаям: ханами у одних племен, советами старейшин (джиргами) у других.

Почти весь XIX в. продолжалось собирание афганских земель. Решительную борьбу за преодоление раздробленности повел эмир Абдуррахман-хан. Только при нем в конце XIX в. Афганистан сложился как централизованное государство в современных границах. Он безжалостно расправлялся с непокорными племенами.

При Абдуррахмане была значительно увеличена регулярная армия, он запретил ханам иметь постоянные вооруженные отряды, возложив на них обязанность лишь в случае войны предоставить ему конных и пеших ополченцев. Однако еще к началу гражданской войны 1928-1929 гг. основную оборонительную силу Афганистана составлял союз племен. К началу восстания боеготовность племенных ополченцев мало чем отличалась от боеготовности афганской регулярной армии, но численность их была неизмеримо большей: если в афганской армии по штату насчитывалось около 23 тысяч человек, а в действительности армия не превышала 10 тысяч, то по британским оценкам племена могли выставить 100 тысяч человек. Отсюда ясно, что Абдуррахман-хану не удалось окончательно подорвать силу знати афганских племен, ханы которых были носителями феодального сепаратизма. Он должен был считаться с их интересами, что ограничивало значение его централизаторских мероприятий. Хань, хотя и ограниченные системой налогов, оставались лидерами своих племенных образований. На местах власть по-прежнему оставалась в руках местного хана. Даже при формировании армии новобранцы записывались в

особые, различающиеся по племенному признаку роты, причем командование этими ротами было возложено на вождей соответствующих племен. Подобное положение дел было вызвано, в том числе и тем, что в основе своей национальное сознание Абдуррахман-хана не столько даже оставалось пуштунским, сколько определялось принадлежностью к дурранийской группе пуштунских племен и, более конкретно, к трехсоттысячному баракзайскому клану, из которого он был родом. Этим объясняется то, что именно баракзай, став ядром регулярной армии эмира, сохраняли право на свой племенной суд, значительные налоговые льготы. Баракзайские мужчины пользовались ежегодными денежными пособиями, а женщины, выходя замуж, получали от эмира в приданое 100 рупий.

Для содержания пограничной охраны в виде прямого подкупа племенам выделялись значительные денежные суммы, что одновременно способствовало консервации их военной и социальной организации.

Попытки Амануллы-хана ограничить самостоятельность племен (у ханов отобрано право сбора налогов, сокращены им субсидии и урезаны их привилегии) не могли не вызвать сопротивление племен, что явилось одной из основных причин кризиса 1928-1929 гг. Причем особую роль сыграло население Хоста, которое состоит из племен юсуфзаев, мангал и джадран, всегда поставлявших цвет племенного ополчения в афганскую армию, но вместе с тем необычайно ревниво отстаивавших свою независимость от центральной власти. В 1913 г. в ответ на попытку произвести насильственный рекрутский набор племена Хоста подняли восстание и сумели настоять на выполнении всех своих требований. Снятие налоговых льгот вызвало восстание в Хосте в 1924 г.

После потрясений гражданской войны 1928-1929 гг. восстановление в стране власти афганцев в лице Надир-шаха было обеспечено поддержкой племен. Он обещал афганцам вернуть положение господствующей и привилегированной народности. Были восстановлены субсидии вождям афганских племен, они снова были наделены привилегиями. Как гражданская бюрократия, так и высший командный состав армии рекрутирова-

лись почти исключительно из представителей знатнейших афганских родов. Набор в войска был произведен по племенному принципу. Часть афганских племен была освобождена от уплаты налогов, некоторые племена получили правительственную субсидию. Для особо отличившихся вождей племен устанавливалась пожизненная пенсия. О силе вооруженных формирований племен говорит, например, тот факт, что еще в 40-50-х годах XX в. население Кунара дважды громило правительственные войска, когда те приходили выполнять распоряжения Кабула.

Подобное развитие событий свидетельствует о том, что интеграционистская политика, проводимая в отношении «зоны племен» с конца XIX в., не могла не иметь своих особенностей по сравнению с другими регионами страны. Более медленные темпы интеграции были обусловлены, в частности:

- 1) естественными географическими факторами и особенно сильным вооруженным сопротивлением племен, вызванным более длительным, чем у других народов Афганистана, сохранением у горных приграничных пуштунов элементов военно-племенной организации;

- 2) намеренной консервацией кабульскими режимами этих элементов с целью превращения «зоны племен» в заслон на пути колониальной Англии;

- 3) пуштунской этнической общностью правящей династии в Кабуле и ханской верхушки племен, которая облегчала многочисленные компромиссы между ними и дала этим ханам возможность, в конечном счете, влиться в буржуазно-помещичий блок дореволюционного Афганистана;

- 4) учетом возможности ухода части населения за «линию Дюранда» в случае недовольства политикой Кабула, что нередко вынуждало власти идти на уступки племенам.

В результате длительного противоборства центральной власти и верхушки племен сложился своего рода баланс сил. Однако в 50 – 70-е годы XX века произошло дальнейшее укрепление центра. В это время власти достигли значительных результатов в решении проблемы интеграции племен. Позиции Кабула по отношению к пуштунской родоплеменной знати су-

щественно окрепли с конца 50-х годов, когда масштабная финансовая помощь из-за рубежа позволила укрепить регулярную армию. Военная помощь афганской армии и военно-воздушным силам впервые создала ситуацию, при которой племена перестали представлять реальную опасность для центрального правительства. Укрепление вооруженных сил, сопровождаемое важными экономическими мероприятиями, позволило постепенно вытеснять военные формирования племен. Тем более, что экономическая помощь, осуществляемая через афганскую бюрократию, усилила контроль правительства над экономикой. В результате некогда противостоявшие государственной власти племенные союзы были раздроблены, а их военные формирования заменены регулярной армией, чем объясняется прекращение после второй мировой войны восстаний племен.

Всё это позволило распространить на районы племен общегосударственные административно-судебные, налоговые (включая расширение круга лиц, подлежащих прямому налогообложению), воинские и другие установления, включив тем самым эти районы в единую для всего государства систему административно-территориального управления. Значительно укреплен госаппарат. Последовательно проводилась линия на назначение на руководящие посты в местных органах власти не ханов племён, а подчиненных центру чиновников (губернаторов, окружных, уездных, волостных начальников), которые наряду с утверждавшимися ими старостами деревень постепенно заняли командные высоты в районах расселения племён.

С другой стороны, с целью уменьшения влияния ханов власти привлекали лидеров племен и их родственников на государственную и военную службу, предоставляли им места в парламенте, держали некоторых из них заложниками в столице, наделяли земельными угодьями вне пределов «зоны племен», направляли молодежь на учебу. В результате ранее могущественные ханы племен вошли в состав и растворились в буржуазно-помещичьей и бюрократической верхушке, перестав существовать как особый элемент социальной структуры. Ис-

пользовались и такие методы, как противопоставление одних племен другим, игра на многочисленных противоречиях и т.д.

Были ликвидированы налоговый и судебно-правовой иммунитеты на территориях племен, а также урезаны их привилегии. Многие традиционные институты, в том числе джирги стали придатками государственного аппарата и никакой самостоятельной власти на местах уже не имели.

Ослаблению независимости племен способствовала также постройка шоссейных дорог по всей стране. Расширилось дорожное строительство и в «зоне племён». Предприняты были меры по ограничению ношения оружия, содействию переходу кочевников на оседлость, укреплению внутриторговых связей. В районах племён увеличилось число начальных общеобразовательных школ. Активизировал деятельность правительственный Департамент по делам племён, отделы которого функционировали в составе местных органов власти большинства провинций, в первую очередь на юге страны.

В результате всех этих процессов роль восточных приграничных племен значительно ослабла.

Однако государство так и не смогло достичь полной концентрации всей власти на территории «зоны племен». Каждое пуштунское племя, каждый клан продолжали занимать свою строго определенную территорию. Губернатором провинции, территорию которой населяли те или иные племена, обычно назначался знатный сардар-дуррани.

Значительная часть горных пуштунов в приграничных провинциях Кунар, Нангархар, Пактия и Заболь продолжала находиться под сильным влиянием местных авторитетов (маликов, старейшин, мулл), некоторые из приграничных племен (хугиани, шинвари, мангал, джадран, джаджи, ахмадзаи, тани и др.) сохраняли полувоенные отряды для защиты своих традиционных территорий, пастбищ, лесных участков и горных проходов, имели значительную степень автономного управления на уровне деревень и даже волостей. Даже в наши дни существуют административно-территориальные единицы, население которых состоит из клана того или иного племени. В провинции Пактия, например, в середине 80-х годов границы 16 из 23 ад-

министративно-территориальных единиц совпадали с территориями расселения пуштунских племен или их кланов: уезд Джаджи (основное население – джаджи), уезд Тани (основное население – тани), уезды Важе-Джадран и Спера (основное население – джадран), уезд Муса-хель (основное население – клан муса-хель племени мангал), уезд Джани-хель (основное население клан джани-хель племени мангал) и др. В провинции Нангархан уезд Махмандара и волость Лальпур заселены момандами, уезд Назиан – шинвари и т.д. После падения режима талибов на карте страны появились новые уезды и даже провинции, совпадавшие в районном расселения тех или иных этнических групп. В частности, округ Хост был преобразован в провинцию, а в начале 2005 г. была создана провинция Панджшер.

Неполной была и экономическая интеграция «зоны племен» в общеафганские рыночные связи: хотя практически все ее районы были в той или иной степени охвачены процессами общественного разделения труда и специализации в рамках Афганистана, население провинций, непосредственно примыкающих к «линии Дюранда», в своем экономическом развитии больше ориентировалось на пакистанские рынки. В связи с этим в сознании части оседлых жителей этих пограничных районов, а также кочевников – *убури* (т.е. транспограничных), не утвердилось прочного представления об их принадлежности к Афганистану, существовали представления о межгосударственном положении их племенных территорий. Нередко в ответ на притеснения властей местные жители покидали свои деревни и уходили в районы пограничных племен за «линию Дюранда». Транспограничная солидарность пуштунов, сложившаяся в древний обычай под влиянием близкого соседства, экономических связей и этнической общности, закреплена в неписаном «кодексе чести». Эта солидарность часто проявлялась в ходе борьбы афганских и зарубежных пуштунов против центральной власти, угнетателей и колонизаторов в форме взаимного укрывательства преследуемых властями беглецов, обеспечения их кровом и продовольствием, а также военной поддержки.

Учитывая эти характеристики «зон племен», афганские режимы проявляли крайнюю осмотрительность в выборе средств воздействия на племена при возникновении конфликтных ситуаций. Предпочтительной всегда считалась тактика компромиссов (а не использование силы), противопоставление племен и их частей друг другу, посреднические услуги для решения спорных проблем с привлечением авторитетов из числа маликов и духовных лидеров, членов правительства и даже главы государства. Вместе с тем, как показывает исторический опыт, фактор силы всегда находился на одном из самых высоких мест в шкале традиционных ценностей приграничных пуштунов, и поэтому правительство Афганистана только тогда пользовалось их уважением, когда имело за собой прочные военные тылы.

Таким образом, можно говорить о том, что к 70-м годам XX в. племена продолжали представлять собой определенную силу. Вместе с тем они стремительно теряли свой особый статус, а верхушка племён – привилегии, что не могло не вызывать сопротивления вождей. В результате подобной политики, нарушившей соотношение сил центра и племён в пользу первого, возник ещё один, хотя и не основной, очаг противоречий в и без того крайне нестабильной и взрывоопасной обстановке. Заметим, что в итоге разразилась гражданская война, разрушившая государство с его системой связей с пуштунскими племенами и возродившая военную организацию племен и их фактическую самостоятельность.

В настоящее время страна остается фрагментированной. Ханы племен осуществляют всю полноту власти на своих территориях и полностью независимы от государства. Вожди племен и полевые командиры возглавляют в своих районах отряды от 100 до 1000 человек. Но помимо пуштунских племен изолируются от центральной власти и претендуют на максимально возможную самостоятельность и независимость также и этнические меньшинства, главным образом узбеки и хазарейцы. Вызовы центральной власти бросают влиятельные полевые командиры. Так, в середине марта 2004 г. в Герате произошло столкновение между силами 17-й бригады афганской армии и

отрядами губернатора Исмаил-хана, поводом которых стали убийство его сына и неудачное покушение на него самого. 8 апреля того же года А. Дустом окружил и захватил столицу провинции Фарьяб г. Маймане (оставив её на следующий день). 18 июня 2004 г. отряды полевого командира Абдуссалама Хана захватили Чагчаран, центр провинции Гор. Правда, Исмаил-хан и Дустом получили должности и перестали быть полевыми командирами, однако продолжают сохранять свое влияние. Но в стране остается много региональных лидеров, которые еще долго будут сохранять власть на местах.

Таким образом, всё вернулось чуть ли не к тому, с чего начиналось Афганское государство. Вместе с тем, в попытках укрепиться оно пережило за последние 100 лет почти все формы политического режима – абсолютистскую монархию Абдуррахман-хана, конституционную монархию Амануллы-хана, парламентскую монархию Захир-шаха, авторитарную президентскую республику Мухаммада Дауда, республику советского типа при НДПА, исламский режим моджахедов и теократию талибов. В настоящий момент Афганистан переживает период становления президентской республики, основанной на принципах демократии. Однако вряд ли и на этот раз удастся обойтись без племенных институтов. По крайней мере, слабость нынешнего правительства во многом вызвана тем, что большинство его членов, кроме Исмаил-хана и еще нескольких человек, долгое время прожили за границей и не имеют опоры в традиционном афганском обществе.

Заключение

Исследование особенностей афганского государства на протяжении почти двух с половиной веков позволяет прийти к выводу о сохранении им целого ряда особенностей союза племён.

1. Черты Афганского государства, вызванные распространением на общество и государство свойств племён.
 - Устойчивые местные сообщества каумы, формируясь на основе родственных отношений и связей «патрон-клиент», оказались распространены на все общество

и всю политсистему, составив базовую единицу афганского социума. Эти сообщества и приверженность лидеру определяют позицию любого человека, независимо от его принадлежности к каким-либо партиям и занимаемого положения.

- Подобно тому, как в племени хан распределяет и перераспределяет богатство, так и руководство страны выступало распределителем ресурсов.
 - В племени пуштун занимает привилегированное положение по отношению к непуштунам. А в стране привилегированным статусом стали обладать уже целые племена по отношению ко всем остальным этносам.
 - Поскольку достойными видами деятельности пуштуны считали всё, что связано с оружием, то военное дело стало их привилегией. Они занимали руководящее положение в армии, которая формировалась по племенному принципу.
2. Особенности Афганского государства, обусловленные положением племён.
- Подобно тому, как племенем управляет хан, так и афганское государство было создано ханами, закрепившими за собой важнейшие посты, и управлялось одним из них. Государство взяло себе племенной этноним и стало орудием трайбализма, сохранив во многом черты племенного образования. После 1978 г. власть от ханов дуррани перешла к гильзаям, у которых после небольшого перерыва оказалась вновь во второй половине 90-х годов XX в., но уже в лице талибов. После падения режима талибов власть вернулась к Х. Карзаю, главе племени попользаев, к которому принадлежали все правители страны до 1978 г.
 - В государстве были использованы племенные институты (например, джирги), племена имели налоговые послабления. Некоторые из этих институтов, напри-

мер, Лойя джирга, дожили до наших дней и продолжают выполнять важную функцию.

- Во многом благодаря большому значению военной организации племени смогли остаться более или менее независимыми не только в Афганистане, но и в Пакистане. Племена в значительной степени обладали (и продолжают обладать) автономией и самоуправлением, что проявляется в сохранении высокой значимости кодекса традиционных правовых установлений паштунвала. На протяжении всей истории Афганистана племена сохраняли контроль над своей территорией и, располагая вооруженными формированиями, фактически составляли политический противовес Кабулу, что позволяет говорить о дуализме власти – центрального правительства и племён. Образовался уникальный симбиоз государства и племён. (О силе племён говорит и то, что на территории современного Пакистана британцы в конце XIX в. создали существующую и поныне особую зону, где пуштунские племена сохраняли самоуправление. Здесь не действуют пакистанские законы, жизнь регулируется традиционными правилами и представлениями. Горцы не платят налогов в казну, но должны платить пошлину за ввоз товаров или продуктов на свою территорию).
- Как и в племенном объединении, ханы сохраняли в Афганистане (и в Пакистане) всю полноту власти над районами расселения племён. Власть государства на племена фактически не распространялась и не распространяется до сих пор.

Литература

- Ганковский Ю. В. Империя Дуррани. М., 1958.
История Афганистана. Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М., 1982.
Масон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. 2. М., 1966.

- Рейснер И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954.
- Рейснер И.М. Независимый Афганистан. М., 1929.
- Рейснер И.М. Вступительная статья // Губар М.Г.М. Ахмад-шах – основатель Афганского государства. М., 1959. – С. 5-95.
- Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. М., 2004.
- Босин Ю. В. Афганистан: Полиэтническое общество и государственная власть в историческом контексте. М., 2002.
- Шумов А. С., Андреев А. Р. История Афганистана. Документальное исследование. М., 2002.
- Пластун В. Пуштуны и их роль в политической жизни // Азия и Африка сегодня. М., 1995, № 10, с. 49-50.
- Катков И. Е. Центральная власть и пуштунские племена (значимость и актуальность историко-политического анализа) // Ближний и Средний Восток: История, экономика, политика. – Часть 1. – М., 1987. – С. 3-15.
- Dupree L. Afghanistan. Princeton, 1980.
- Roy O. Islam and Resistance in Afghanistan. Cambridge, 1986.
- Elphinstone M. An account of the Kingdom of Caubul and Its Dependencies in Persia, Tartary and India. L., 1815.
- Ahmed, Akbar S. Pukhtun Economy and Society. Traditional Structure and Economic Development in a Tribal Society. L., 1980.
- The State, Religion and Ethnic Politics: Afghanistan, Iran and Pakistan / Banuazizi, Ali, Myron Wiener (ed.).- Syracuse, 1986.
- Tapper, Richard (ed.). The Conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan.- London-Canberra-New York, 1983.